

დამოწმებანი:

არაგვისპირელი 1947: არაგვისპირელი შ. თხზულებათა სრული კრებული. ტ. I. თბილისი: გამომცემლობა „საბჭოთა მწერალი“, 1947.

ბაქრაძე 2004: ბაქრაძე ა. თხზულებანი. ტ. II. თბილისი: გამომცემლობა „ნეკერი“, „ლომისი“, 2004.

ვაჟა-ფშაველა 1964: ვაჟა-ფშაველა. თხზულებათა სრული კრებული 10 ტომად. ტ. V. მოთხრობები. თბილისი: გამომცემლობა „საბჭოთა საქართველო“, 1964.

კლდიაშვილი 2007: დავით კლდიაშვილი. ქართული მწერლობა. ტ. 30. თბილისი: გამომცემლობა „ნაკადული“, 2007.

Tatiana Megrelishvili

Georgia, Tbilisi

Georgian Technical University

“...a Thinking Person is Restless and Worried about the Future”: Premonitions in Three Boldin Poems by A. S. Pushkin

Summary

Three poems by A. S. Pushkin, created during the Boldino autumn, are marked by a single mood: concern for the future, a premonition of interference in the fate of the poet by destructive evil forces. These are the well-known works “Demons” (September 7, 1830), “Elegy” (“The Faded Fun of Mad Years...”) (September 8, 1830) and “Poems composed at Night during Insomnia” (October 1830).

The paper, having studied and analyzed the above texts and the letters from Boldino, highlights the sources and artistic dominants in which the poet finds his expression of the premonition of future, as well as philosophical deliberations inscribed in the context of his poetry and in the creative quest of his contemporaries.

Key world: Boldino, A. S. Pushkin, artistic dominants, philosophical deliberations, the context of his poetry.

Татьяна Мегрелишвили

Грузия, Тбилиси

Грузинский технический университет

**«...человек мыслящий беспокоен и волнуем будущим»:
предчувствия в трех болдинских стихотворениях
А.С.Пушкина**

Три стихотворения А.С.Пушкина, созданные в период Болдинской осени, отмечены единым настроением: обеспокоенностью будущим, предчувствием вмешательства в судьбу поэта разрушительных злых сил. Это известные произведения «Бесы» (7 сент. 1830), «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...») (8 сент. 1830) и «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» (октябрь 1830). Произведения созданы в Болдинскую осень – период, когда поэт, запертый на холерный карантин в имении Большое Болдино, оказался вынужденным затворником, приехав туда накануне своей свадьбы уладить некоторые деловые и финансовые вопросы. Обстоятельства личной жизни поэта оказались нарушены карантинными ограничениями, и он задержался в Болдино на три месяца. Это время стало самым продуктивным в творческой биографии Пушкина и одновременно своеобразным подведением итогов. В то же время оно отмечено сильнейшей напряженностью мысли и чувства, неожиданными размышлениями о будущем.

Указанные три стихотворения – одни из наиболее глубоких созданий его лирики – неоднократно становились предметом исследовательского внимания. В обширной научной литературе (Бройтман 1991: 230-231; Викторovich ... 1977: 119-134; Гершензон 1919: 131-133; Грехнев 1977: 33-38, 40-59; Кошелев 2000: 195-237; Мейлах 1937: 246-254; Пяткин 1995: 120-129) вопроса следует выделить некоторые исследования: Муравьевой О.С. (Муравьева 2009: 121-124), Слинной Э.В. (Слинина 1994: 94-102). Рассмотрение стихотворения «Бесы», предпринятое Муравьевой О.С., основываясь на архивных разысканиях и разборе возможных литературных источников, переходит в тонкий анализ жанрового своеобразия и художественной

природы этого произведения. Исследование Слининой Э.В. охватывает все три указанных произведения, предлагая глубокий анализ поэтики этих художественных текстов. И если те или иные положения этого труда могут быть предметом научной полемики, то это не уменьшает его значимости как основы для любого дальнейшего углубления в анализ этих произведений. Ряд интереснейших замечаний есть у Н.М.Фортунатова (Фортунатов 1999: 253-265.), С.А.Фомичева (Фомичев 2000: 50-56), О.А.Проскурина (Проскурин 1999: 221-237) и других. Это, однако, не означает, что проблематика трех стихотворений, первыми созданных в Болдино, выяснена исчерпывающе. Более того, многие кардинальные вопросы, связанные с этими произведениями, все еще остаются дискуссионными. Такова, например, проблема символьного наполнения стихотворения «Бесы», и она не единственная. Решение же следует искать на путях анализа всех трех этих произведений как своеобразного художественного единства.

Исходя из общего положения о том, что произведение литературы неразложимо на любом уровне и как эстетический объект воспринимается целостно, целью данного исследования становится уровневый анализ «содержательной формы» (Бахтин 1986) трех указанных лирических текстов. Подобный подход позволяет через «высказывание» автора вскрыть глубинные пласты художественного содержания каждого из анализируемых текстов, то есть показать единство объективного и субъективного начал, что и открывает возможность устанавливать определенные соотношения и закономерные взаимодействия между тремя лирическими произведениями Пушкина.

Путь пушкинской мысли от «Бесов», через «Элегию» к «Стихам, сочиненным во время бессонницы» нельзя проследить без учета общего состояния духа поэта на момент приезда в Болдино¹. Очевидно, что Пушкин пребывал в подавленном настроении: с одной стороны, осень всегда была для него плодотворным периодом, позволявшим создать многое, что потом печаталось в журналах в течение целого года и приносило столь нужные поэту деньги, с другой стороны, необходимость заниматься делами

имения грозила потерей драгоценного времени, а значит делала туманной перспективу заработков в течение грядущего года; добавок события в Париже беспокоили Пушкина, возвращая его к размышлениям над кругом идей, волновавших поэта с юности – свобода, взаимоотношения между дворянством и крестьянством были теми краугольными вопросами, по которым спорили декабристы и осмысление которых продолжил Пушкин, что и отразилось чуть позднее в «*Капитанской дочке*». Таким образом, личные проблемы и неожиданно актуализированные политическими и карантинными событиями размышления над определенным кругом идей не давали столь требуемого для творчества покоя и возможности погрузиться в работу.

«*Бесы*», написанные 7 сентября, всей тональностью и бросающейся в глаза напряженностью ритмики и композиции выражают смутное предчувствие беды. В стихотворении говорится о «зиме и **тревоге**» [Болдинская осень 1974: 27]. Ранее исследователями было обращено внимание на близость дат создания «*Бесов*» и «*Элегии*» и общность настроений: комментаторы пишут об их «**тревожном** соседстве» [Болдинская осень 1974: 28.]. «*Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы*» написаны позднее, но промежуток времени, отделяющий этот текст от двух других произведений, лишь указывает на то, что тревожное состояние у поэта не проходит, а напротив – нарастает: ср: «**что тревожишь ты меня?**». Мотив тревоги, общий для трех стихотворений, по-своему реализуется в каждом тексте.

В «*Бесах*» это достигается путем использования в композиции литературно-художественного хронотопа – зимняя вьюжная ночь в поле, что акцентируется в первом четверостишии. Выделяются несколько рядов опорных элементов: ряд существительных – *тучи – луна – снег – небо – ночь*, глагольный ряд – *мчатся – вьются – освещает*, определительное качественное наречие *мутно*, относящееся к небу и ночи, и качественное прилагательное *летучий*, соотносящееся с существительным *снег*.

Если рассматривать пушкинскую манеру поэтического воссоздания зимних ночных пейзажей, то надо отметить характерную для Пушкина особенность таких зарисовок: зимний ночной пейзаж

обычно страшный, мрачный и туманный (ср: стихотворения «*Зимний вечер*», «*Зимняя дорога*», в которых выделяются сквозные для пушкинской лирики образы мутного, пасмурного неба, вьюги, печально светящей луны²), дневной зимний пейзаж наполнен совершенно противоположным, бодрящим настроением (ср., к примеру: в «*Евгении Онегине*»: «*Зима. Крестьянин, торжествуя, ...*», «*Зимнее утро*»).

Художественное воплощение зимнего ночного пейзажа в «*Бесах*» при сопоставлении со сложившейся в русской поэзии романтической традицией описания зимы (ср., к примеру: у В.Кюхельбеккера в стихотворении «*Зима*» – время холода, одиночества, смерти; в элегии П.Вяземского «*Первый снег*» присутствует и традиционное для русского романтизма изображение зимы, воплощающей сон, смерть, и поэтичного изображения прелестей русской зимы – «*На празднике зимы красуется земля/ И нас приветствует живительной улыбкой*») у Пушкина дополнена поэтикой «ужасного», характерной для произведений немецкого романтизма, европейского готического романа, а также для баллад В.А.Жуковского. Чувство страха в «*Бесах*» усиливается от четверостишия к четверостишию: тучи «*мчатся*», «*вьются*» по мутному небу, сама «*ночь мутна*», луны почти не видно («*Невидимкою луна освещает снег летучий*») – все эти образы пришедшей в движение природы дополняются в следующем четверостишии образом одинокого путника «*в чистом поле*», а затем и прямой констатацией чувства страха – «*страшно, страшно поневоле среди неведомых равнин*». Нарастание страха в стихотворении становится почти физически ощутимым, достигая кульминации в строках: «*Сбились мы. Что делать нам!/ В поле бес нас водит, видно,/ Да кружит по сторонам*».

Движение, которым наполнен текст, предстает хаотичным, кружащимся в некоем пространстве, которое Муравьева определяет как замкнутое³. Полагаем, что в «зимних» стихотворениях Пушкина пространство бывает как разомкнутым, так и замкнутым. К примеру, в «*Зимнем вечере*» автор использует оба эти пространства, создает важную для понимания глубинного смысла стихотворения семантическую антитезу: разомкнутое пространство враждебно

человеку, замкнутое спасительно. В «Бесах» этой спасительной семантики пространство лишено. Здесь наблюдается именно разомкнутое пространство, а вихревое движение, которое вполне можно интерпретировать как время, которое остановлено или, лучше сказать, кружится на одном месте, как снежные вихри в поле, еще более подчеркивает безмерность враждебного мира, уходящего то в высь (*небо, луна, тучи*), то не позволяя ориентироваться в поле (*неведомая равнина, овраг, небывалая верста, пустая тьма*). Таким образом, пространственно-временные координаты текста усиливают содержательную основу стихотворения – путник и его ящик мучимы страхом, негативным предчувствием надвигающейся опасности (*бесы, вьюга, волк*).

В «Бесах» два персонажа. Понятно, что путник «барин», а ящик из простых. Не случайно каждый из них видит *своих* бесов: ящик – фольклорного оборотня, который «играет», «дует», «плюёт», то есть ведет себя в соответствии с русской мифологической народной традицией, в то время как путник видит «духов». На наличие двух типов видения указывает строка «Закружились бесы разны. Сколько их?...». И чуть ниже: «Домового ли хоронят,/Ведьму ль замуж выдают?». Сюжетная основа этой сцены строится по часто используемой Пушкиным схеме: герой, «запоздалый путник», с которым связан мотив странствий, случайно сталкивается с нечистой силой. По такой схеме построен, к примеру, сон Татьяны в «Евгении Онегине», где в роли странницы выступает сама героиня, а также стихотворение «Гусар». В «Бесах» герой наблюдает «шествие» демонических сил, носящее амбивалентный характер: с одной стороны – архаичный свадебный ритуал («Ведьму ль замуж выдают?»), с другой стороны, похоронный обряд («Домового ли хоронят...?»). Модифицируя сюжет о «запоздалом путнике», в судьбу которого вмешиваются дьявольские силы, А.С. Пушкин интегрирует романтическую и фольклорно – мифологическую традиции. Важно отметить, что тема бесовского наваждения в дальнейшем получает развитие в «Гробовщике» (написанном 9 сентября 1830 года), «Медном всаднике» и «Пиковой даме». А 13 сентября 1830 года датируется «Сказка о попе», в которой герой торжествует над нечистой силой. Также с пушкинским

героем связывается и важный для понимания смысла текста мотив испытания. Автор через этот мотив решает главную художественную задачу – воплощение идеи испытания героя судьбой, которое он иносказательно изображает прохождением через inferнальное пространство.

На другой день после «Бесов» Пушкин написал «Элегию», где отражена попытка поэта преодолеть власть темных сил над своей судьбой. Размышления над прожитым, переосмысление прошлого (ср.: «*Безумных лет угасшее веселье/Мне тяжело, как смутное похмелье*») вновь показывают, в каком направлении двигалась мысль художника: «*печаль минувших дней*» не покидает поэта, становится «*чем старе, тем сильнее*». В стихотворении звучит смутное предчувствие грядущих бед: «*...Сулит мне труд и горе /Грядущего волнуемое море*». Однако Пушкин пытается преодолеть мрачный взгляд на жизнь, отвергает смерть; в страданиях и постоянных размышлениях он видит полноту жизни. В «*Стихах, написанных ночью во время бессонницы*» настроение усталости, трагических и порой неразрешимых противоречий с самим собой порождают постоянную тревогу: «*Жизни мышья беготня.../Что тревожишь ты меня?*». Мотив судьбы вновь звучит в стихах Пушкина, и вновь он окрашен в мрачные тона предчувствия беды. Все это в совокупности есть свидетельство, запечатленное в творчестве, страшного духовного кризиса, который переживал в личной судьбе поэт.

Причины кризиса указаны в письме к П.А.Плетневу в Петербург от 29 сентября 1830 г. Пушкин пишет: «Как же не стыдно было тебе понять хандру мою, как ты ее понял? <...– Вот в чем было дело: *теща* моя отлагала свадьбу за приданым, а уж, конечно, не я. Я бесился. Теща начинала меня дурно принимать и заводила со мною глупые ссоры; и это бесило меня. Хандра схватила, и черные мысли мной овладели. Неужто я хотел или думал отказаться? но я видел уж отказ и утешался чем ни попало. Все, что ты говоришь о свете, справедливо; тем справедливее опасения мои, чтоб тетушки, да бабушки, да сестрицы не стали кружить голову молодой жене моей пустяками. Она меня любит, <...– Баратынский говорит, что в женихах счастлив только дурак; а человек мыслящий беспокоен и волнуем будущим».

В этом письме словно предчувствуются все последствия этого брака, самым страшным из которых стала роковая дуэль на Черной речке.

Между тем Пушкин, находясь из-за карантина пандемии холеры в Болдино дольше, чем планировал, уходит от своей личной судьбы в эпос, в историю. Проблематика *«Бесов»*, приобретя новое обличье, ворвалась в исторический роман-эпопею. Народный бунт, стихия, описанная в *«Капитанской дочке»*, сродни безудержному кружению *«бесов»*. В главе *«Вожатый»* возникают образы, напрямую соотносимые с *«Бесами»*: описание бурана в степи, воющий, словно живой, ветер, мгла, мутное кружение метели, *«кони стали... что-то чернеет, ... человек или волк?»*. Здесь та же дорога, кибитка, тот же ящик с его выразительной речью, тот же герой-странник, перевоплотившийся в дворянского недоросля Петрушу Гринева. Та же сюжетная линия, те же образы и чувство неизвестности, ужаса повторяются в повести *«Метель»*.

Дорога, тройка, месяц, ящик, грустные нотки – все это встречается и в стихотворении *«В поле...»*, написанном уже в 1833 г. Тема смерти, появившаяся в *«Элегии»* в 1830 году, вновь возникает в 1835 году в стихотворении *«Странник»* (*«Смерть меня страшит»*). Но если в *«Элегии»* поэт пытается выразить жизнеутверждающее начало, то в *«Страннике»* он почти уверен в близости своего конца, и это пугает его. Перед нами уже не романтический штамп, восходящий к поэтике «ужасного», что наблюдалось в более ранних «зимних» стихотворениях. Борющиеся внутри души поэта силы – борются и в его стихах: *«Невидимо склоняясь и хладея, мы близимся к началу своему... Покамест упивайтесь ею, сей легкой жизнью, друзья»*.

1830-е годы были для Пушкина наполнены в том числе многочисленными конфликтами как на литературном поле, так и внутри среды, в которой он вращался. Однако это не объясняет того духовного изнеможения, которое обозначилось у него с 1830-х годов. Учитывая эти душевные состояния поэта, становятся понятны его устремления бросить Петербург, уехать в деревню с семьей, вернуть душевное равновесие, о необходимости которого он сам писал из Болдина в 1830-м, погрузиться в литературный труд. К сожалению, в силу ряда обстоятельств это оказалось невозможно.

Итак, оказавшись в сложный период собственной жизни, совпавший с масштабным распространением в России холеры, в Болдино, Пушкин вспоминает свою молодость и былые увлечения. В Болдино он прощается с ними навсегда. Во многих стихотворениях, и в первую очередь в «Бесах», «Элегии», «Стихах, написанных ночью во время бессонницы», писавшихся в Болдино, Пушкин выразил настроение человека, который с печалью, с душевной мукой вспоминает о прошлом и расстается с ним.

Символика «зимних» образов, обладавшая сложившейся в русской поэзии традицией, у Пушкина обогащается важным содержанием, и сравнение «зимних» стихотворений В.Кюхельбеккера и П.Вяземского с пушкинскими текстами наглядно демонстрирует, как меняется система поэтического мышления – от автора к автору. Особенности персонального видения мира Пушкиным легче почувствовать, если избрать предметом рассмотрения произведения, тематически и семантически близкие, что и было предпринято. Анализ трех стихотворений показал, что существующие на сегодня представления о содержании этих текстов – символически выраженный итог размышлений поэта о состоянии политических дел в России или символическое изображение жизни заблудшего человека – отнюдь не исчерпывают всей глубины смыслов этих текстов. Ни одна из подобных интерпретаций не может претендовать на историко-литературную доказательность. Сила текстов столь велика, что кажется, будто они стремятся вылиться в некое важнейшее сообщение, стать ключом к разрешению важнейшей загадки поэтического и духовного мира Пушкина. Но все обобщения так и остаются на уровне предчувствий, предощущений, пророчеств... И так как символика этих стихотворений, по нашему глубокому убеждению, не переводится на язык логических понятий, мы попытались подчеркнуть те ассоциации, которые возникают от углубленного прочтения этих текстов в свете последовавших за Болдиным последних семи лет жизни поэта. При таком прочтении тексты трех стихотворений, рассмотренные как некое художественное целое, начинают звучать как философское прозрение, как некие художественные доминанты, в которых находит свое выражение пушкинское предчувствие

будущего, собственной судьбы, а также философские размышления поэта, вписанные в единый контекст его творчества и творческих исканий его современников.

Примечания:

1. В мае 1830 года Пушкин вторично сделал предложение Н.Н.Гончаровой, которое было принято, но при этом Пушкину пришлось доказывать будущей теще свою политическую благонадежность, для чего он и обратился к А.Х.Бенкендорфу, приславшему корректное реабилитационное письмо «<...> никогда никакой полиции не давалось распоряжения иметь за Вами надзор» (Пушкин 1937-1949: XIV, 81-82, 408-409). Кстати, на лживость этой фразы в письме Бенкендорфа указывал М.Ю.Лотман. Одновременно обнаружились финансовые трудности. Дела родителей невесты были расстроены, да и родители Пушкина были в долгах. В итоге отец выделил Пушкину маленькую деревеньку Кистеневку с двумястами душами крестьян, расположенную рядом с отцовским имением Болдино в Нижегородской губернии.

Попытки уладить денежные дела продлились все лето, к тому же жених успел разругаться с будущей тещей и даже под влиянием сильного раздражения написал невесте письмо, в котором освобождал ее от всех обязательств, что фактически было равноценно разрыву помолвки. Пребывание в неизвестности – так жених или уже не жених? – не отменяло поездки в деревню для улаживания финансовых дел (Пушкин хотел привести в порядок все документы, связанные с получением деревни, а затем заложить ее: срочно были нужны деньги на придание невесты, которого не было, и Пушкин сам его сделал, и на свадьбу). Эти личные переживания неожиданно умножились политическими событиями в Европе, за которыми внимательно следил поэт: в Париже началась революция, а в Москве – холера. В последний день августа 1830 года Пушкин покинул холерную Москву и в смутном настроении выехал в Болдино.

2. На прямую связь мотивов и образов в стихотворениях *«Зимняя дорога»* и *«Зимний вечер»*, а также *«Бесы»* впервые указал Д.Д.Благой (Благой 1967: 474, 475).

3. «Пространство замкнуто: все находится в движении (тучи «мчатся», бесы «мчатся», кони «снова понеслись»), но движение идет лишь по кругу, в этот круговорот равно вовлечены и люди, и страшная их нечисть («сил нам нет кружиться доле», «закружились бесы разны»)» (Муравьева 2009: 122).

Литература:

Бахтин 1986: Бахтин М. “Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве”. Бахтин М. *Сборник литературно-критических статей*. М.: Художественная литература, 1986. 543 с.

Благой 1967: Благой Д.Д. *Творческий путь Пушкина (1826-1830)*. М., «Сов. Писатель» 1967, стр. 474, 475.

Болдинская очень 1974: *Болдинская осень. Стихотворения, поэмы...*//Сопроводительный текст В. И. Порудоминского и Н. Я. Эйдельмана. М.: Молодая гвардия, 1974. С. 27.

Бройтман 1997: Бройтман С. Н. “Субъектно-образная структура русской лирики XIX века в историческом освещении” // *Изв. АН СССР. Серия лит. и яз.* 1991. Т. 50, № 3. 1997. С. 230-231.

Викторович... 1977: Викторович В. А., Живолупова Н.В. “Литературная судьба «Бесов»: (Пушкин и Достоевский)” // *Болдинские чтения*. [1976]. Горький, 1977. С. 119-134.

Гершензон 1919: Гершензон М. О. *Мудрость Пушкина*. М., 1919. С. 131-133.

Грехнев 1977: Грехнев В. А. *Болдинская лирика Пушкина*. Горький, 1977. С. 33-38, 40-59.

Кошелев 2000: Кошелев В. А. «Бесы разны...» // Кошелев В.А. *Пушкин: История и предание*. СПб., 2000. С. 195–237.

Лотман 1998: Лотман Ю. М. *Структура художественного текста*. СПб.: Искусство СПб, 1998. 285 с.

Макогоненко 2000: Макогоненко Г. П. *Сб. статей, воспоминаний и документов*. СПб., 2000. С. 50–56.

Мейлах 1937: Мейлах Б. С. *Пушкин и русский романтизм*. М.; Л., 1937. С. 246-254.

Муравьева 2009: Муравьева О. С. “Бесы” // *Пушкинская энциклопедия. Произведения* / Редколлегия издания: Виролайнен М.Н., Карпеева О. Э., Ларионова Е. О., Муравьева О. С., Рак В. Д., Чистова И. С. (руководитель проекта). СПб.: Нестор-История, 2009. Т.1. А-Д. С.121-124.

Проскурин 1999: Проскурин О.А. «Бесы» // Проскурин О.А. *Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест*. М.: 1999. С. 221–237.

Пушкин 1937-1949: Пушкин А. С. *Полное собрание соч. в 16-ти тт.* – Изд-во АН СССР, 1937-1949, Большое академическое издание. XIV, 81-82, 408-409.

Пяткин 1995: Пяткин С. Н. “Символика «метели» в творчестве А.С. Пушкина 30-х годов” // *Болдинские чтения*. [1994]. Н. Новгород: 1995. С. 120-129.

Стилина 1994: Слина Э. В. Стихотворение «Бесы» в контексте болдинской лирики 1830 года // *Проблемы современного пушкиноведения: Сборник статей*. Псков: Псковский государственный педагогический институт, 1994. С. 94-102.

Фомичев 2000: Фомичев С. А. “К творческой истории стихотворения Пушкина «Бесы»” // *Памяти Г.П. Макогоненко: Сб. статей, воспоминаний и документов*. СПб., 2000. С. 50–56.

Фортунатов 1999: Фортунатов Н. М. *Эффект болдинской осени: А.С. Пушкин: Сентябрь-ноябрь 1830 г.: Наблюдения и раздумья*. Н. Новгород, 1999. С. 253-265.

Avtandil Nikoleishvili

Georgia Kutaisi

Akaki Tsereteli State University

Georgian language folklore of Uniel Georgians

Summary

While being in scientific mission from Akaki Tsereteli State University (2015), I met our fellow-citizens living in Unye city and the nearer villages in order to look for Turkish Georgians folklore texts. Many examples from the mentioned materials are also known for Georgian folk literature, too. The reason is that before leaving the homeland, these works were the main attribute for Georgian Muhajirs' spiritual culture. The folklore texts of the Georgians living in Unye, enrich the folk literature of Turkish Georgians with new materials. They are important while studying their spiritual culture, history and modern life. They also reveal the other aspects of Georgian folk heritage in a very interesting form.

Key words: Unye, Muhajir, Georgian, Turkey, folklore.